

Исупова С. М. Формирование художественного историзма в раннем творчестве И. И. Лажечникова / С. М. Исупова // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 268—279. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-268-279.

Isupova, S. M. (2020). Formation of Artistic Historicism in the Early Work of I. I. Lazhechnikov. *Nauchnyi dialog*, 10: 268-279. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-268-279. (In Russ.).

УДК 821.161.1Лажечников.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-268-279

ФОРМИРОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИСТОРИЗМА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

© Исупова Светлана Михайловна (2020), orcid.org/0000-0002-9439-6987, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет» (Киров, Россия), nat.shulateva@yandex.ru.

Статья посвящена формированию художественного историзма в творчестве Лажечникова. Актуальность исследования связана с необходимостью более глубокого изучения раннего творчества писателя. Доказывается, что в ранних произведениях Лажечникова закладываются основы художественного историзма. Отмечается, что в повестях «Малиновка» и «Портрет» происходит трансформация сентиментальных повестей с установкой на историческую тему. В ходе исследования авторы статьи делают вывод, что в этих произведениях Лажечников еще не ощущает необходимости исторической стилизации в духовном облике изображаемых героев, хотя склонен проповедовать нравственные категории, поэтому историзм этих произведений носит дидактический характер. Также в статье исследуются «Походные записки русского офицера». Отмечается, что в этом произведении индивидуальный опыт писателя становится частью исторического опыта, накопление которого воспринимается Лажечниковым как процесс, формирующий морально-нравственные критерии нации. Авторы статьи останавливаются на том, что писатель создает свою поэтику исторического повествования, художественный историзм проявляется в передаче исторического колорита, в размышлениях писателя о роли русской нации в истории. Установлено, что художественный историзм Лажечникова предполагает взаимосвязь прошлого и настоящего, постижение исторического времени становится основой формирования исторического мышления писателя. Высказывается мысль о том, что историзм ранних произведений Лажечникова стал основой для развития исторической темы в романах 30-х годов.

Ключевые слова: художественный историзм; историческая повесть; историческое время; историческое мышление; И. И. Лажечников.

1. Развитие исторической темы на рубеже XVIII—XIX веков

Художественный историзм предполагает осмысление писателем особенностей той или иной эпохи. Это «специфическое свойство художественного познания», позволяющее увидеть любое явление «как индивидуальное <...> и как часть целого» [Петров, 2006, с. 14]. Историческая тематика получила художественное осмысление в различных жанрах литературы XVIII века и постепенно заняла свое место в прозе начала XIX века. В это время происходит становление национально-исторического мышления писателей, активно развивается историческая литература, в частности, жанр исторической повести. В. Я. Малкина отмечает национальное

своеобразие «исторического жанра в России: в беллетристике преобладает романная форма, в классических произведениях — форма повести» [Малкина, 2002, с. 4]. Патриотическая тема становится одной из главных тем русской литературы в связи с интересом общества к своему национально-историческому прошлому. В 1792 году Н. М. Карамзин создает повесть «Наталя — боярская дочь», в которой стремится не только воссоздать дух эпохи, но и показать психологию героя, запечатлеть переживания героев, особенности быта. Произведение стало крупным событием литературной жизни того времени и послужило жанровым образцом для многих писателей-последователей. «Историзм мышления Карамзина опирался на идею национальной самобытности, уникальности и неповторимости внутреннего мира каждого человека» [Петров, 2006, с. 20—21]. В рецензии на книгу М. Б. Свердлова «История России в трудах Н. М. Карамзина» Н. Д. Кочеткова отмечает, что автор монографии «прослеживает в это время развитие исторической науки и гражданского самосознания в русском обществе» [Кочеткова, 2019, с. 248]. Карамзин был не одинок в своих исканиях новой меры исторического бытия. «Художественные находки Карамзина в сфере предромантического историзма творчески усваиваются писателями, обращавшимися на раннем этапе к жанру исторической повести, — М. Н. Муравьевым, Г. П. Каменевым и др.» [Константинова, 2015, с. 10]. В 1812 году и Лажечников пишет повесть «Малиновка». Произведения этих авторов, несомненно, позволяют составить целостное представление о художественном развитии эпохи. Однако «исторические» произведения начала XIX века были лишь стилизацией под историческое повествование (имена и предметы быта прошедшей эпохи не более чем «экзотика»), и лишь в 1820-е годы положение исторических произведений меняется, причиной чего становится, как отмечает А. А. Долинин, популяризация романов Вальтера Скотта [Долинин, 1988]. Ср.: «Русская историческая повесть 1820-х гг. возникла не на пустом месте, прямо из романов Скотта. Предшествующая литературная традиция, хотя и не очень богатая, в России уже существовала <...> Прежде всего следует назвать две опережающие свое время повести Н. М. Карамзина: «Наталя — боярская дочь (1792) и «Марфа Посадница» (1803)» [Альтшуллер, 1996, с. 30]. Л. А. Сапченко выдвигает идею этапности осмысления Карамзиным исторической темы: его «исторические взгляды претерпели определенную эволюцию, и различные этапы этой эволюции по-разному оказывали влияние на творчество русских писателей, где наблюдается и явная преемственность, и отторжение, и творческое развитие» [Сапченко, 2003, с. 13]. Лажечников, несомненно, был знаком с произведениями Карамзина, которые находили горячий отклик у начинающего писателя: «Какой восторг, какое благоговение вызывали в нем Карамзин или Глинка» [Опульский, 1968, с. 34].

2. «Малиновка» — повесть с историческим колоритом

Повесть «Малиновка, или Лес под Тулою» была издана в «Первых опытах в прозе и стихах И. Лажечникова», состоящих из разделов «Повести», «Рассуждения», «Стихи». По мнению С. А. Венгерова, «самая любопытная и поучительная часть книжки — это помещенные в ней повести «Спасская лужайка» и «Мали-

новка» [Венгеров, 1994, с. 35]. Интересен тот факт, что повесть «Спасская лужайка» была напечатана и в сборнике «Русская сентиментальная повесть» наряду с повестями Карамзина. «Своеобразие мировидения Лажечникова определяется установкой на субъективно-чувствительное, что является синонимом психологической обостренности мировосприятия писателя» [Исупова, 2015, с. 29]. Однако в это время Лажечников испытывает влияние романтизма, поэтому в «Спасской лужайке» углубляется социальная направленность, противостоящие обществу герои чувствуют духовную связь с природой. В это время писатель проявляет интерес и к исторической теме, поэтому в повести «Малиновка» налицо уже установка на сопоставление реальной жизни с идиллическим миром прошлого. Тема разрушения идиллии, намеченная в «Спасской лужайке», в повести «Малиновка» углубляется, исторический экскурс помогает писателю творчески переосмыслить историко-политический и культурологический материал, дать субъективно-авторскую интерпретацию, связать с современностью. С. А. Венгеров, анализируя «Малиновку», отмечает, что повесть «представляет собой весьма важный материал для установления исторически правильного взгляда на литературную ценность сочинений Лажечникова» [Венгеров, 1994, с. 40]. Критик довольно резко высказывается о произведении Карамзина «Наталья — боярская дочь», отмечает и игнорирование Лажечниковым исторических сведений в повести «Малиновка» [Там же, с. 41]. Однако С. А. Венгеров считает, что «мрачное настроение, навеваемое “Спасской лужайкой”, рассеивается исторической повестью “Малиновка, или Лес под Тулою”, посвященной описанию любви счастливой» [Там же, 1994, с. 37]. «Малиновка», в отличие от «Спасской лужайки», повесть с историческим колоритом, но историзм этого произведения соответствует еще духу сентиментального направления, поэтому «Малиновку» можно назвать сентиментальной повестью с историческим сюжетом. Для Лажечникова образцом историзма такого плана была повесть Карамзина «Наталья — боярская дочь». Историзм превращается в декорацию, на фоне которой представляется история любви, где только сила чувств играет решающую роль. Трансформируя жанровый образец повести Карамзина, Лажечников создает произведение, в котором обращается к прошлому в поисках идиллии, чувств, которые были созвучны переживаниям его современников. Показывая идиллический мир прошлого, которому нет места в современной жизни, Лажечников своеобразно сталкивает идеальный мир с реальной действительностью. «Тема разрушения идиллии (понятой в широком смысле) становится одной из основных тем литературы в конце XVIII и в первой половине XIX века» [Бахтин, 1975, с. 381].

Для исторического повествования Лажечников выбирает незатейливый сюжет. Действие повести «Малиновка» происходит во времена правления Бориса Годунова, от преследований которого скрывается опальный боярин Мирослад. Вместе с ним его племянница Малиновка, сирота из рода Нагих, «славившаяся своим умением слагать песни и петь их» [Лажечников, 1817, с. 41]. Найти опального боярина поручено Миловиду и Скрытосерду. Потрясенный пением Малиновки, Миловид полюбил ее, не зная, что она племянница Мирослада. Однако Малиновка раскрывает любимому настоящее имя дяди, что вызывает в душе Миловида целую бурю чувств. По жан-

ровой структуре повесть представляет собой историческую сентиментальную оду, доминантой человеческой природы представлены в большей степени чувства, чем разум. Донос Скрытосерда стал причиной гнева Бориса Годунова, который приказал казнить Миловида и Мирослада. В день казни приговоренные просят свидания с Малиновкой. По просьбе царя Малиновка начинает петь. Многих покоряла она своим пением, воспевая «славу князя Владимира Красного Солнышка, мудрость сына его Ярослава, милосердие Калиты, величие Иоанна Васильевича» [Там же, с. 26]. Лажечников вводит в повествование романтическую тему искусства, популярную тогда среди романтиков Запада, показывая прекрасный мир прошлого, изображая сильные страсти и характеры, воспевая настоящую любовь и искусство, которые способны покорить даже жестокого царя. «На лице тирана приметно смущение, бояре и их жены не закрывают платками слезы, текущие по лицу их» [Там же, с. 27]. Присутствуют в тексте и фольклорно-сказочные мотивы, причем прозаик использует постоянные эпитеты: красное солнышко, престольный град, красна девица, герои названы по именам, добро одерживает победу, налицо поэтический вымысел писателя в изображении героев, в развитии сюжетной линии. Поэтизирован образ Малиновки, она изображается Лажечниковым как исконно русская красавица, готовая на самопожертвование, наделенная талантом, добродетелями, присущими русским женщинам. Всю силу воображения направляет Лажечников на воссоздание прошлого, описание чувств и мыслей персонажей, при этом исторические картины только передают субъективное представление писателя о прошлом, но сам он не пытается проникнуть в его суть. В этой повести с элементами фольклорного повествования уже улавливаются патриотические и антидеспотические настроения Лажечникова в изображении «грозного тирана» Бориса Годунова. «Основу репрезентации истории как чистого вымысла составляло использование фольклорно-исторического материала, новое насыщение событийной канвы прошлого, переосмысление привычных сюжетов в старинном духе» [Сорочан, 2008, с. 13].

События французской революции, наполеоновские войны повлияли на общественное сознание, мироощущение передовых людей эпохи. Для русского романтического сознания приобретают актуальность конфликт между чувством и сознанием, тема победы прекрасного над деспотизмом власти. Повесть была создана в 1812 году, неслучайно в это время у Лажечникова формируется историческое мышление. Будучи патриотом, писатель переживает за Россию, поэтому обращение к историческому прошлому в повести «Малиновка» свидетельствует о стремлении Лажечникова соответствовать общим настроениям, вызванным войной 1812 года. Страстная проповедь гуманизма, любви к ближнему, защита человеческого достоинства, неприятие деспотизма власти — те нравственные категории, которые Лажечников вплетает в историческую канву произведения.

Появление в литературе того периода исторической темы, связанной с национальным сознанием, имело прогрессивное общественно-художественное значение, поэтому писатель, ощущая потребность общества в патриотических произведениях, обращается в «Малиновке» к изображению исторических событий, жизни и быта людей и одновременно концентрируется на описании силы чувств персонажей. Как

и Карамзин, Лажечников еще «не ощущает необходимости исторической стилизации в воссоздании исторических различий в психологии, морали, духовном облике и языке людей разных эпох» [Петров, 1962, с. 78], чувствуется неразработанность социального и психологического конфликта. Писателя больше интересуют чувства героев, их добродетели, хотя именно семейные добродетели непосредственно связаны с общественными, они формируют менталитет русского человека. Причины социального неблагополучия писатель видит в дисгармоничной природе людей, поэтому обращается к историческому прошлому, в нем ищет источник гармонии.

3. Мотивы войны 1812 года в повести «Портрет»

В «Первые опыты в прозе и стихах И. Лажечникова» была включена небольшая по объему повесть «Портрет», в которой нашли выражение патриотические настроения писателя, солидарного с передовыми людьми эпохи, хотя налицо еще установка писателя-сентименталиста на изображение страстей, чувствительных персонажей. Лажечников акцентирует внимание читателей на внутреннем мире П., который вернулся после странствий «не с посохом путешественника, но с мечом» [Лажечников, 1817, с. 24]. Писатель старается подчеркнуть значимость патриотических мотивов в размышлениях героя, который десять лет провел в сражениях с неприятелем. Лажечников апеллирует к таким качествам П., как свободолюбие и патриотизм, ассоциируя их с качествами национального русского характера. Идеи патриотизма, гражданственности были связаны с войной 1812 года и последующими заграничными походами. Лажечников осознает историческую масштабность происходящего, но сентиментальные настроения не дают писателю в полной мере передать накал тех чувств, которые волновали передовую общественность. Историзм «Портрета» носит условный характер, это лишь определенная установка на изображение действительности. Сюжетная линия произведения довольно проста. Возвратившись после сражений в родные места, герой мечтает жениться. Увидев у друга портрет сестры, П. решает, что именно она «доказывает прелести душевные» [Там же, с. 29]. И «скоро Гименей увенчал чету в храме любви вечной» [Там же, с. 30]. Лажечников старается раскрыть переживания героев, подчеркивает чистоту и искренность их отношений.

При всей незатейливости сюжета повесть, больше похожая на рассказ небольшого объема с подзаголовком «Истинное происшествие», передает раздумья автора и об исторических событиях, участником которых был он сам. Монологи героя содержат отсылки к собственной биографии писателя: «Приветствую тебя, земля отеческая, в которой текли счастливые и безмятежные дни юности. Так на этом перекрестке дорог украшенный сединою родитель отпускал меня против врагов отечества и говорил: “Не допусти, чтобы белые волосы отца были свидетелями стыда твоего! Будь мужествен! Щади слабых и люби ближних, какому бы закону они не следовали и какому богу бы не поклонялись”» [Там же, с. 24—25]. Сочетание лирического и патриотического пластов повести позволяет писателю создать «чувствительное» по эмоциональной установке и патриотическое по тематике произведение, в которое включаются сведения об исторических реалиях периода войны 1812 года. «Мир, мир! — восклицает П., возвратясь с победою на родину после длительного стран-

ствия по чуждым землям» [Там же, с. 24]. Рассказ на восьми страницах был почти не замечен публикой. Причины не востребованности произведения видятся в подражательности и художественном несовершенстве повести. События 1812 года требовали более серьезных произведений, затрагивающих насущные вопросы времени.

4. Трансформация исторической темы в «Походных записках русского офицера»

В последующий период творчества Лажечникова сохраняется интерес к исторической тематике, однако изменяются предпочтения в выборе жанровой формы произведений. В 1817 году писатель издает отрывки произведения «Походные записки русского офицера» (далее также — «Записки»). Сам факт, что «Записки» были напечатаны в известных журналах «Вестнике Европы» и «Сыне Отечества», говорит о том, что произведение соответствовало запросам того времени. Эти журналы откликались на самые важные общественные события, оказывали влияние на развитие передовой мысли в России. Произведение Лажечникова было порождено войной 1812 года, пробудившей патриотическое сознание писателя. Вопреки воле родителей, он поступил в московское ополчение, в дальнейшем принял участие в заграничных походах 1813—1815 годов. Во время боев Лажечников вел дневник в виде замечаний простого наблюдателя, который записывал то, что «видел, слышал достойного примечания и что находил в кругу своем великого и прекрасного в подвигах Русского гражданина и воина» [Лажечников, 1836, с. 10]. Произведение появилось в печати в 1820 году с полным названием «Походные записки русского офицера 1812, 1813, 1814 и 1815 годов». В описании людей, событий автор стремится к документальной точности. В «Предисловии» к «Запискам» Лажечников признается, что «писал их на походах, при свете бивуачных костров, на барабанах и нередко на коне, при шуме идущего рядом с ним войска» [Там же, с. 9]. Объектом изображения становится историческое время. Лажечников не выступает в роли военного историка, просто ведет дневник с указанием конкретных мест и дат, высказывает личное отношение к происходящему, запечатлевает в своих записях историю, которая делается на его глазах. Пользуясь определением А. Г. Тартаковского, «Записки русского офицера» можно назвать «ретроспективно-обработанным дневником» [Тартаковский, 1980, с. 188], что доказывает открыто выраженное личностное начало, наличие временной дистанции, сохранение уникальных исторических данных. Писатель старается не исказить действительность, подчеркивает, что был участником, свидетелем событий, вносит в повествование эмоционально-лирическую струю. В этом характерная авторская манера, в которой проявилось «стремление к закреплению взаимосвязи внутреннего мира адресанта с переживаниями, реалиями и событиями внешнего мира» [Фрик, 2020, с. 311]. Это был взгляд очевидца на войну 1812 года и последующие события. Правда, события после мая 1813 года, как признается Лажечников, он описывает по памяти, объясняя тем, что одна из тетрадей была им потеряна. [Лажечников, 1836, с. 10]. Здесь нет конкретики событий и точности дат, записи до 16 мая 1813 года больше похожи на дневник, о чем говорит документальная точность в описании людей и событий.

Последующие записи ближе к жанру мемуаров, события освещаются обобщенно, есть нарушение исторических дат. Историзм этой части «Записок» измеряется соотношением с прошлым, которое становится источником информации.

По сравнению с «Первыми опытами в прозе и стихах И. Лажечникова» в «Записках русского офицера» появляется социально-значимая тематика, вводится фактический материал, хотя сентиментальный фон еще присутствует в идейно-художественном строе произведения, проявляются романтические тенденции — стремление писателя подчеркнуть своеобразие изображенной исторической эпохи, проникнуть в тайны истории. Романтический историзм в понимании Лажечникова представляет собой слияние истории как поэзии и как процесса, направление которого «определяется движением к постоянно совершающейся выработке важнейших моральных критериев» [Сорочан, 2008, с. 28]. Политическое мировоззрение писателя в этот период формировалось под влиянием реальных событий, участником которых он был, поэтому в «Записках» выражено желание писателя «увести Россию от примитивного крепостнического патриархализма, направить страну по пути прогресса и передовой европейской культуры» [Машинский, 1940, с. 28]. Лажечников издает произведение частями и только в 1820 году печатает целиком. В это время в обществе звучат требования ликвидировать абсолютизм, ограничить влияние монарха, и в этом же русле лежат мировоззренческие позиции Лажечникова. Война 1812 года обостряла интерес к истории. «Наполеоновские войны подняли повсюду волну национального чувства <...> дали массам возможность понять, что их существование исторически обусловлено, увидеть в истории нечто такое, что вторгается в повседневный быт — и, следовательно, то, до чего есть дело каждому человеку» [Лукач, 2015, с. 7,8]. Лажечников описывает эпоху 1812—1815 годов, стараясь запечатлеть величие русских людей, поэзию подвига: «Побежден быть не может народ, в самых бедствиях гордый своим именем» [Лажечников, 1836, с. 20]. Писатель ощущает себя свидетелем событий исторического масштаба. Произведение начинается с событий сентября 1812 года (в это время, после Бородинской битвы, Лажечников отправляется на военную службу), заканчивается описанием последнего заграничного похода. Автор описывает происходящее реалистично, предлагает увидеть достоинства русского характера, основой понимания исторического процесса выдвинуто национальное единство. Лажечников прославляет русского воина — легенду истории: «Грозный, как лев, среди волнений шумящей битвы, кроткий, любезный и сострадательный в мирной хижине — вот отличительные черты истинного воина» [Там же, с. 58]. О патриотизме, мужестве, сострадательности писатель говорит как об особенностях психологии русской нации. Его восхищает, «до какой степени может дойти благородство, гордость Русских и на какие жертвы готова любовь их к Отечеству» [Там же, с. 36]. Он рассказывает о священнике Рождественского монастыря, который готов был погибнуть, но не выполнить приказ Наполеона упоминать при молитвах имя императора Франции. «“Я присягал одному царю русскому и не хочу знать никакого другого”, — с твердостью сказал пастырь посланным» [Там же, с. 24]. «Рим славился одной Лукрецией, древняя столица может славиться двумя» [Там же, с. 24], — так начинает

Лажечников историю о двух сестрах, которые бросились в Москву-реку, не желая отдаться в руки французов [Там же, с. 27—28]. Писатель восхищается мужеством воинов и генералов. Особенно полно он раскрывает образ Кутузова, подчеркивая любовь к отчизне, мудрость, демократизм полководца, который «обладал волшебным искусством приближать и привязывать к себе простого солдата [Там же, с. 95]. Прославляя подвиг русских воинов, Лажечников проводит мысль о значении самодержавия как просвещенной монархии, изображает Александра I миролюбивым и прогрессивным самодержцем, который принес мир Европе: «Пусть память Александра I со слезами благодарности в роды родов благословляется, и любовь к нему на сердца народных вознесется к престолу Бога» [Там же, с. 59].

Писатель отмечает общенародный характер войны 1812 года, высоко оценивает и роль Александра I, Кутузова, генералов. Лажечников еще не воспринимает историю как объективный процесс, однако своеобразие историзма «Походных записок» заключается в «передаче исторического и местного колорита, в размышлениях о народе как источнике морального могущества нации, о значительной роли выдающихся личностей, в стремлении показать описываемые характеры в их эмоционально-духовной сущности» [Исупова, 2015, с. 95]. Романтические установки Лажечникова, его взгляд на историю как поэзию, интерес к национально-историческому прошлому, стремление показать духовность русской нации, богатство ее нравственного содержания в дальнейшем станут основой для развития Лажечниковым исторической темы в его знаменитых романах 30-х годов.

5. Заключение

Итак, в России конца XVIII — начала XIX веков в обществе необычайно возрос интерес к истории. Философия и мораль, политика и эстетика — все подвергалось пересмотру с позиций исторической истины. Интерес русских писателей к исторической теме был пробужден и в связи с военной кампанией 1812 года: общественное сознание апеллировало к истории как к ориентиру нравственного поведения. Сама история оценивалась с позиций нравственности. В это время начинает развиваться жанр исторической повести, сентиментальная повесть претерпевает трансформацию, приобретая установку на обращение к исторической теме, происходит становление национально-исторического мышления ряда писателей. «Роль первопроходца в области русской исторической прозы принадлежит Н. М. Карамзину» [Кудреватых, 2012, с. 26]. Историческая тема волнует многих писателей-последователей Карамзина. К жанру исторической повести обращается и Лажечников, которого привлекает этот жанр как «краткое, национально окрашенное, патриотическое по тематике, “чувствительное” по своему эмоциональному звучанию прозаическое повествование» [Константинова, 2015, с. 27]. Участие в войне 1812 года дает возможность Лажечникову осмыслить историю как процесс, совершающийся на его глазах, поэтизировать этот процесс, пропустить через свое сознание, уловить «поэзию истории». Художественное слово становится выразителем чувств Лажечникова. Писатель старается создать своеобразную систему морально нравственных ценностей, его историзм предполагает взаимосвязь исторического прошлого и настоящего. Лажечников

глубоко прочувствовал национально-патриотический пафос, ощутил себя человеком истории. Интерес к национальной истории и к современности, стремление познания национального духа, постижение исторического времени стали основой формирования исторического мышления писателя. Лажечников создает свою концепцию истории, хотя его историзм не становится собственно художественным историзмом, когда через художественные средства писатель передает и своеобразие прошлого, и особенности психологии своих героев. Главное средство художественного постижения прошлого он видит в творческом воображении. Постигнуть закономерности исторического процесса, выйти за рамки субъективного восприятия истории Лажечникову не удалось. Историзм ранних повестей писателя был еще весьма условным, история представляла собой только декорацию. Однако в «Записках русского офицера» Лажечников сумел передать специфику описываемого исторического времени. Это было важным шагом на пути создания русского исторического романа. Формируя поэтику исторического повествования, писатель создает свой нравственный идеал истории, поэтизируя прошлое, считая его залогом будущего. Развитие исторической темы в раннем творчестве Лажечникова сделало возможным появление его романов «Последний Новик», «Ледяной дом», «Басурман», в которых художественный историзм станет основой повествования об историческом прошлом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альтшуллер М. Г. Эпоха Вальтера Скотта в России : исторический роман 1830-х / М. Г. Альтшуллер. — Санкт-Петербург : Гуманитарное агентство Академический проект, 1996. — 336 с.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе : очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики : исследования разных лет. — Москва : Художественная литература, 1975. — С. 234—407.
3. Венгеров С. А. Критико-биографический очерк / С. А. Венгеров // Лажечников. И. И. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1. — Москва : Можайск-Терра, 1994. — С. 5—111.
4. Долинин А. А. История, одетая в роман : В. Скотт и его читатели / А. А. Долинин. — Москва : Книга, 1998. — 306 с.
5. Исупова С. М. Особенности метода, жанра и историзма «Походных записок русского офицера» И. И. Лажечникова / С. М. Исупова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 2 (44), Ч. 2. — С. 94—96.
6. Исупова С. М. Художественное мировидение Н. М. Карамзина в повести «Бедная Лиза» и И. И. Лажечникова в повести «Спаская лужайка» / С. М. Исупова // Science and Education : materials of the X international research and practice conference, Germany, Munich (December 9—10). — Germany, Munich : Vela Verlag Waldkraiburg, 2015. — Vol. II. — С. 26—29.
7. Константинова И. Г. Становление жанра исторической повести в русской литературе конца XVIII — начала XIX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / И. Г. Константинова. — Москва, 2015. — 28 с.
8. Кочеткова Н. Д. Путь Карамзина-писателя к истории / Н. Д. Кочеткова // Русская литература. — 2019. — № 3. — С. 247—250. — DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-247-250. The progress of karamzin the writer towards history
9. Кудреватых А. Н. Формирование жанра исторической повести в прозе Н. М. Карамзина / А. Н. Кудреватых. — Филологический класс. — № 1 (27). — 2012. — С. 26—30. Formation of historical tale genre in N.M. Karamzin's prose

10. *Лажечников И. И.* Первые опыты в прозе и стихах И. Лажечникова / И. И. Лажечников. — Москва: В Университетской типографии, 1817. — 160 с.
11. *Лажечников И. И.* Походные записки русского офицера, изданные И. Лажечниковым / И. И. Лажечников. — Москва: В Тип. Н. Степанова, 1836. — 291 с.
12. *Лукач Г.* Исторический роман / Г. Лукач. — Москва: Common place, 2015. — 178 с.
13. *Малкина В. Я.* Поэтика исторического романа. Проблемы инварианта и типология жанра / В. Я. Малкина. — Тверь, 2002. — 140 с.
14. *Машинский С. И.* Историческая повесть Гоголя / С. М. Машинский. — Москва: Советский писатель, 1940. — 248 с.
15. *Опульский А. С.* И жизнь и перо на благо отечества / А. С. Опульский. — Москва: Моск. рабочий, 1968. — 192 с.
16. *Петров А. В.* Становление художественного историзма в русской литературе XVIII века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / А. В. Петров. — Москва, 2006. — 39 с.
17. *Петров С. М.* Исторический роман / С. И. Петров // История русского романа: в 2 т. Т. 1. — Москва; Ленинград: Академия наук СССР, 1962. — С. 954.
18. *Сапченко Л. А.* Творческое наследие Н. М. Карамзина: проблемы преемственности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Л. А. Сапченко. — Москва, 2003. — 40 с.
19. *Сорочан А. Ю.* Формы репрезентации истории в русской прозе XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / А. Ю. Сорочан. — Тверь, 2008. — 38 с.
20. *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения / А. Г. Тартаковский. — Москва: Наука, 1980. — 314 с.
21. *Фрик Т. Б.* Образ чужого в эпистолярной Н. М. Карамзина / Т. Б. Фрик // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2020. — № 63. — С. 305—314. — DOI: 10.17223/19986645/63/18.

FORMATION OF ARTISTIC HISTORICISM IN THE EARLY WORK OF I. I. LAZHECHNIKOV

© Svetlana M. Isupova (2020), orcid.org/0000-0002-9439-6987, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vyatka State University" (Kirov, Russia), nat.shulateva@yandex.ru.

The article is devoted to the formation of artistic historicism in the work of Lazhechnikov. The relevance of the study is associated with the need for a deeper study of the early work of the writer. It is proved that the foundations of artistic historicism were laid in the early works of Lazhechnikov. It is noted that in the stories "Malinovka" and "Portrait" there is a transformation of sentimental stories with a setting on a historical theme. In the course of the study, the authors of the article conclude that in these works Lazhechnikov does not yet feel the need for historical stylization in the spiritual appearance of the heroes depicted, although he is inclined to preach moral categories, therefore the historicism of these works is of a didactic nature. The "Travel notes of a Russian officer" is also examined in the article. It is noted that in this work the writer's individual experience becomes a part of historical experience, the accumulation of which is perceived by Lazhechnikov as a process that forms the moral and ethical criteria of the nation. The authors of the article dwell on the fact that the writer creates his own poetics of historical narration, artistic historicism manifests itself in the transfer of historical flavor, in the writer's reflections on the role of the Russian nation in history. It has been established that Lazhechnikov's artistic historicism presupposes the interconnection of the past and the present, the comprehension of historical time becomes the basis for the formation of the writer's historical thinking. The idea is expressed that the historicism of Lazhechnikov's early works became the basis for the development of the historical theme in the novels of the 1930s.

Key words: artistic historicism; historical story; historical time; historical thinking; I. I. Lazhechnikov.

REFERENCES

- Altshuller, M. G. (1996). *Epokha Waltera Skotta v Rossii: istoricheskiy roman 1830-kh* [Era of Walter Scott in Russia: a historical novel of the 1830-s]. Sankt-Peterburg: Gumanitarnoe agentstvo Akademicheskiiy proekt. 336 p. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1975). Formy vremeni i khronotopa v romane: ocherki po istoricheskoy poetike [Forms of time and chronotope in the novel: essays on historical poetics]. In: *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniya raznykh let* [Questions of literature and aesthetics: studies of different years]. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. 234—407. (In Russ.).
- Dolinin, A. A. (1998). *Istoriya, odetaya v roman: W. Skott i ego chitateli* [A Story Clothed in a Novel: W. Scott and His Readers]. Moskva: Kniga. 306 p. (In Russ.).
- Frik, T. B. (2020). *Obraz chuzhogo v epistolyarii N. M. Karamzina* [The image of a stranger in N. M. Karamzin's epistolary]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, [Bulletin of the Tomsk State University. Philology]. 63: 305—314. DOI: 10.17223/19986645/63/18. (In Russ.).
- Isupova, S. M. (2015). Osobennosti metoda, zhanra i istorizma «Pokhodnykh zapisok russkogo ofitsera» I. I. Lazhechnikova [Features of the method, genre and historicism of “Traveling notes of a Russian officer” by I. I. Lazhechnikov]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2 (44): 94—96. (In Russ.).
- Isupova, S. M. (2015). Khudozhestvennoye mirovidenie N. M. Karamzina v povesti «Bednaya Liza» i I. I. Lazhechnikova v povesti «Spasskaya luzhayka» [Artistic worldview of N. M. Karamzin in the story “Poor Liza” and I. I. Lazhechnikov in the story “Spasskaya lawn”]. In: *Science and Education: materials of X international research and practice conference*. Germany, Munich: Vela Verlag Waldkraiburg. 2: 26—29. (In Russ.).
- Konstantinova, I. G. (2015). *Stanovlenie zhanra istoricheskoy povesti v russkoy literature kontsa XVIII — nachala XIX v.: avtor's abstract of PhD Diss.* [Formation of genre of historical story in Russian literature of the late 18th — early 19th centuries: author's abstract of PhD Diss.]. Moskva. 28 p. (In Russ.).
- Kochetkova, N. D. (2019). Put' Karamzina-pisatelya k istorii [Progress of Karamzin the writer towards history]. *Russkaya literatura* [Russian literature], 3: 247—250. DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-247-250. (In Russ.).
- Kudrevatykh, A. N. (2012). Formirovaniye zhanra istoricheskoy povesti v proze N. M. Karamzina [Formation of historical tale genre in N. M. Karamzin's prose]. *Filologicheskiiy klass* [Philological class], 1 (27): 26—30. (In Russ.).
- Lazhechnikov, I. I. (1817). *Pervyye opyty v proze i stikhakh I. Lazhechnikova* [First experiments in prose and poetry by I. Lazhechnikov]. Moskva: V Universitetskoy tipografii. 160 p. (In Russ.).
- Lazhechnikov, I. I. (1836). *Pokhodnyye zapiski russkogo ofitsera, izdannyye I. Lazhechnikovym* [Traveling notes of a Russian officer published by I. Lazhechnikov]. Moskva: V Tip. N. Stepanova. 291 p. (In Russ.).
- Lukach, G. (2015). *Istoricheskiy roman* [Historical novel]. Moskva: Common place. 178 p.
- Malkina, V. Ya. (2002). *Poetika istoricheskogo romana. Problemy invarianta i tipologiya zhanra* [Poetics of the historical novel. Invariant problems and genre typology]. Tver. 140 p. (In Russ.).
- Mashinskiy, S. I. (1940). *Istoricheskaya povest' Gogolya* [Historical story of Gogol]. Moskva: Sovetskiy pisatel. 248 p. (In Russ.).
- Opulskiy, A. S. (1968). *I zhizn' i pero na blago otechestva* [And life and pen for the good of the fatherland]. Moskva: Mosk. rabochiy. 192 p. (In Russ.).

- Petrov, A. V. (2006). *Stanovleniye khudozhestvennogo istorizma v russkoy literature XVIII veka*: author's abstract of Doct. Diss. [Formation of artistic historicism in Russian literature of the eighteenth century: author's abstract of Doct. Diss.]. Moskva. 39 p. (In Russ.).
- Petrov, S. M. (1962). Istoricheskiy roman [Historical novel]. In: *Istoriya russkogo romana*. [History of the Russian novel]. Moskva; Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 2/1: 954. (In Russ.).
- Sapchenko, L. A. (2003). *Tvorcheskoye naslediyе N. M. Karamzina: problemy preemstvennosti*: author's abstract of Doct. Diss. [Creative legacy of N. M. Karamzin: problems of succession: author's abstract of Doct. Diss.]. Moskva. 40 p. (In Russ.).
- Sorochan, A. Yu. (2008). *Formy reprezentatsii istorii v russkoy proze XIX veka*: author's abstract of Doct. Diss. [Forms of Representing History in Russian Prose of 19th Century: author's abstract of Doct. Diss.]. Tver. 38 p. (In Russ.).
- Tartakovskiy, A. G. (1980). *1812 god i russkaya memuaristika. Opyt istochnikovedcheskogo izucheniya* [1812 and Russian memoirs. Experience of source study]. Moskva: Nauka. 314 p. (In Russ.).
- Vengerov, S. A. (1994). Kritiko-biograficheskiy ocherk [Critical and biographical sketch]. In: *Lazhechnikov, I. I. Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moskva: Mozhaysk-Terra. 6/1: 5—111. (In Russ.).